

ЧАСТЬ 1
СКОВАННЫЕ
ОДНОЙ ЦЕПЬЮ

- 1 -

АЛИСА

Думаю, в любом человеке сидит какой-то другой человек. Незнакомец, Заговорщик, Хитрец.

*Стивен Кинг
«Тьма – и больше ничего»*

Сначала было живое, колкое дыхание ветра, обдувающего лицо.

Легкий шелест листвы. Журчание невидимого ручья. Негромкое птичье чириканье. Первые лучи солнца, угадываемые сквозь пелену закрытых веток.

Потом треск веток. Запах мокрой земли и разлагающейся листвы с навязчивой нотой лишайника.

И далекий, неясный, как во сне, нестройный гул.

* * *

Алиса Шефер с трудом открыла глаза. Ее ослепил свет зарождающегося дня, а одежда отсырела от утренней росы. Она вся дрожала, обливаясь ледяным потом. В горле пересохло, во рту застрял мерзкий вкус золы. Шелохнуться было невозможно, конечности свело, в голове мутилось.

Заставив себя сесть, Алиса обнаружила, что ложем ей служила грубая резная скамейка. Следующее открытие было и того поразительнее: в бок

ей больно упирался локоть, на нее навалилось тяжелое мужское тело.

Она с трудом подавила крик, сердце пустилось вскачь. Пытаясь высвободиться, Алиса спустила ноги на землю и резко встала. Тут выяснилось, что она не свободна: кисть ее правой руки оказалась прикованной к левой кисти незнакомца. Она непроизвольно отпрянула, но мужчина не шелохнулся.

Проклятье!

Сердце выпрыгивало из грудной клетки. Она покосилась на «Патек» у себя на руке. Стекло было изрядно поцарапано, но механизм старых часов оставался надежным и все показывал исправно: вторник, 8 октября, 8 часов.

Как все это понимать? Где я? Она в недоумении отерла рукавом пот с лица.

Алиса стала озираться, чтобы понять, где она. Вокруг был золоченый осенний лес, свежий густой подлесок, перепутанные побеги кустарника. Безмолвную поляну обступали дубы, расселины между мшистыми камнями заросли кустами. Вокруг не было ни души, что при сложившихся обстоятельствах было, пожалуй, даже предпочтительнее.

Алиса подняла глаза. Все вокруг было пронизано чудесным, мягким, каким-то нереальным светом. Он сочился сквозь листву огромного пламенеющего вяза, от могучих корней которого топорщился ковер из влажных листьев.

Лес Рамбуйе? Фонтенбло? Венсенский лес? — мысленно гадала она.

Прямо-таки картина художника-импрессиониста с почтовой открытки. Вот только безмятежность природы шла вразрез с жестким сюрреализмом —

пробуждением рядом с совершенно незнакомым человеком!

Она осторожно наклонилась, чтобы рассмотреть его лицо. Между 34 и 40 годами, шатен, всклокочен, сильно небрит.

Мертвец?

Опустившись на колени, она прижала три пальца к его шее. От сердца отлегло: в сонной артерии мужчины пульсировал кровоток. Он был без сознания, но по крайней мере живой. Она взглядела в его лицо. Знакомый? Нарушитель порядка, по которому плачет тюрьма? До неузнаваемости изменившийся друг детства? Нет, его черты не подсказывали ей ровным счетом ничего.

Алиса откинула со лба светлые пряди и исследовала стальные браслеты, сковывавшие ее с этим типом. Так, стандартная модель повышенной надежности, применяемая полицией и частными службами безопасности многих стран. Очень вероятно, что это были ее собственные наручники. Она запустила руку в карман джинсов в надежде нащупать ключ от замка.

Но ключа там не оказалось. Зато во внутреннем кармане кожаной куртки кое-что нашлось: револьвер! Она с облегчением вцепилась в рукоятку, уверенная, что это ее служебное оружие. Но нет, вместо Sig Sauer, табельного ствола уголовной полиции, она выудила залитый в пластмассу Glock 22. Это еще откуда?! Проверить одной рукой магазин было затруднительно, но она, изогнувшись, все-таки добилась своего, стараясь не потревожить лежащего в беспмятстве мужчину. Одной пули в обойме недоставало. Осматривая пистолет, она увидела на

рукоятке засохшую кровь. Алиса распахнула куртку и обнаружила расплывшиеся пятна крови у себя на рубашке.

Чем дальше в лес... Что я натворила?

Пальцами свободной руки Алиса потерла себе веки. Теперь у нее раскалывалась голова, в висках ломило немилосердно, казалось, их стискивает невидимый обруч. Она стала глубоко дышать, чтобы побороть страх и собраться с мыслями.

Накануне вечером их компания — три подружки и она — отправилась веселиться на Елисейские Поля. Они изрядно нагрузились коктейлями, переползая из бара в бар: из «Мунлайт» в «Тринадцатый этаж», оттуда в «Лондондерри»... Нетрезвая четверка распалась ближе к полуночи. Алиса одна добрела до своей машины, которую оставила в подземном паркинге на авеню Франклина Рузвельта, а потом...

Черная дыра. Ком ваты вместо мозгов. Пустое место, что вглядывайся в него, что в нем копайся... Память разбил паралич, она застыла, превратилась в лед, заблокировалась — осталась только последняя невразумительная картинка.

Ну же, постарайся, что тебе стоит? Что было потом?

Потом — это Алиса отчетливо помнила — она заплатила за парковку в автомате и спустилась по лестнице на третий подземный этаж. Она изрядно перебрала — в этом не было сомнения. Шаткой походкой добралась для своей маленькой «Ауди», отперла дверцу, плюхнулась в кресло и...

И все. То есть ничего.

Как ни силилась она сосредоточиться, память перегородило непроницаемой белой стеной. Это

был какой-то Адрианов вал, Китайская стена, о которую разбивались все ее отчаянные попытки продвинуться дальше.

Алиса сглотнула горькую слюну. Страх грозил перерасти в приступ панической атаки. Этот лес, кровь у нее на рубашке, чужое оружие за пазухой... Как ни хотелось списать все это на похмелье после вчерашнего, дела определенно обстояли намного хуже. То, что она напрочь забыла, как здесь очутилась, имело единственное объяснение: ее чем-то опоили. Не иначе, какой-то подонок подлил ей в стакан гамма-гидроксibuтирата. А что, очень может быть: в последние годы полицейская служба неоднократно сталкивала ее с делами, включавшими применение наркотиков с целью изнасилования жертвы. Отодвинув эту мысль, она стала выворачивать свои карманы. Так и есть, ни бумажника, ни полицейского удостоверения. Документы, деньги, мобильный телефон тоже пропали.

Теперь к страху добавилось уныние.

Хрустнула ветка, в воздух взвилась стайка испуганных славок. По лицу Алисы скользнула пара оброненных вязом желтых листьев.левой рукой, зажав подбородком воротник, она застегнула доверху молнию на куртке. И тут заметила у себя на основании ладони надпись светлой шариковой ручкой — строчку цифр, вроде шпаргалки нерадивого школяра:

2125558900

Это еще что такое? Кто это написал — неужели она сама? *Возможно, но не обязательно*, мелькнуло в голове при виде цифр.

Она зажмурила глаза от растерянности и страха.

Нет, она не сдастся! Походило на то, что прошедшей ночью произошло что-то очень серьезное. Раз сама она ровным счетом ничего не помнит, то пускай ей освежит память тип, к которому она оказалась прикована. Больше ей, во всяком случае, не на что было надеяться.

Кто он, друг или враг?

Не имея пока ответа на этот вопрос, она на всякий случай взвела затвор полуавтоматического пистолета, навела ствол свободной рукой на непрошеного спутника и бесцеремонно его встряхнула.

— Эй, ты! Хорош дрыхнуть! Подъем!

Мужчине нелегко было очухаться.

— Пошевеливайся! — поторопила она его, тряся за плечо.

Лежащий поморгал, подавил зевок, с кряхтением принял сидячее положение. Открыл глаза — и в страхе отшатнулся при виде ствола в нескольких сантиметрах от своего виска.

Сначала он вытаращил на Алису глаза, потом завертел во все стороны головой и пришел в полное недоумение от обступившего его грозной стеной леса.

Проведя несколько секунд в ошарашенном молчании, он проглотил слюну, разинул рот, посидел так секунду-другую и, наконец, спросил по-английски:

— Кто вы такая, прости господи? Что мы здесь вообще делаем?

-2-

ГЭБРИЭЛ

В любом из нас сидит непрощенный чужак.

Братья Гримм

Незнакомец изъяснялся с сильным американским акцентом, почти совсем проглатывая звук «р».

— Да где мы, черт побери? — прорычал он, грозно щурясь.

Алиса сильнее сжала рукоятку пистолета.

— По-моему, этот вопрос должна вам задать я! — ответила она по-английски, тыча «глоком» ему в висок.

— Эй, полегче! Спокойствие! — Он задрал руки над головой. — Уберите пушку, это опасная штука-вина...

Еще не вполне придя в себя, он указал подбородком на свою руку в железном браслете.

— Зачем вы это на меня надели? Что я натворил на этот раз? Подрался? Появился в нетрезвом виде в общественном месте?

— Наручники на вас надела не я, — отрезала Алиса.

Она уже успела его разглядеть: на нем были темные джинсы, кроссовки, мятая рубашка, зауженный костюмный пиджак. Светлые внушающие симпатию глаза ввалились от усталости.

— Зябкая погодка... — пожаловался он, втягивая голову в плечи, и бросил взгляд на свое запястье, где полагалось находиться часам, но их там не оказалось.

— Дерьмо... Который час?

— Восемь утра.

Он с грехом пополам пополам обыскал свои карманы и не сдержал гневный крик:

— Вы меня обчистили! Ничего нет: ни денег, ни бумажника, ни телефона...

— Я ничего у вас не забирала, — заверила его Алиса. — Меня саму обобрали, как и вас.

— А шишка откуда? — пробурчал он, растирая себе свободной рукой затылок. — Скажете, это тоже не ваша работа?

Ее ответ его не интересовал, но он тоже изучал ее краем глаза. Джинсы в обтяжку, кожаная куртка поверх выпачканной кровью рубашки... Стройная блондинка лет тридцати со всклокоченной головой. Суровое выражение лица, но гармоничные черты: высокие скулы, тонкий нос, бледная кожа — и светло-карие, в тон осенней листве, гневно сверкающие глаза.

Продолжить любоваться ему помешала боль, как от ожога, с внутренней стороны предплечья.

— Опять что-то не так? — фыркнула она.

— Больно! — объяснил он, морщась. — Наверное, я ранен.

Из-за наручников Гэбриэл не мог ни снять пиджак, ни закатать рукав, но, кое-как изогнувшись, он умудрился разглядеть у себя на руке свежую на вид повязку, из-под которой вытекал узкий ручеек крови.

Сентрал-парк

— Ладно, хватит глупостей! — не вытерпел он. — Где мы? В Уиклоу?

Молодая женщина покачала головой.

— Уиклоу? Где это?

— Лес на юге, — ворчливо объяснил он.

— На юге чего? — спросила она.

— Вы издеваетесь? На юге Дублина!

У нее округлились глаза.

— Вы серьезно думаете, что мы в Ирландии?

Он вздохнул:

— Где же еще нам находиться?

— Как где? Во Франции. Под Парижем. Скажем, в лесу Рамбуйе или в...

— Хватит бредить! — перебил он ее. — Лучше скажите: вы, собственно, кто такая?

— Женщина с пушкой в руке. Вопросы задаю я.

Он бросил на нее негодующий взгляд, но понял, что положением владеет она, и выдержал паузу.

— Мое имя Алиса Шефер, я капитан уголовной полиции Парижа. Я провела вечер с подругами на Елисейских Полях. Понятия не имею, где мы и как оказались здесь, прикованные друг к другу. Кто вы такой, я тоже не знаю. Теперь ваша очередь, валяйте.

Немного поколебавшись, незнакомец решился раскрыть свою личность.

— Я американец, меня зовут Гэбриэл Кейн, я джазовый пианист. Вообще-то я живу в Лос-Анджелесе, но часто разъезжаю, выступаю на концертах.

— Какое ваше последнее воспоминание? — спросила она.

Гэбриэл поморгал, потом зажмурился, чтобы сосредоточиться.

— Ну, собственно... Вчера вечером мы — басист, саксофонист и я — играли в джаз-клубе в дублинском квартале Темпл-Бар.

Дублин?.. Да он псих!

— После выступления я засел в баре и там, боюсь, злоупотребил «Куба либре», — продолжил Гэбриэл, разжимая веки.

— Что было потом?

— А потом...

Он сморщил лицо, прикусил губу. Видно было, что ему, как и ей, трудно вспомнить, чем кончился вчерашний вечер.

— Послушайте, я больше ничего не знаю. Кажется, я сцепился с каким-то типом, которому не понравилось, как я играю, пытался волочить за юбками, но был так пьян, что ни одной не сумел задрать...

— Высший класс! Вы — неотразимый сердцеед.

Он отмахнулся от нее и встал со скамейки, заставив и Алису подняться. Та дернула рукой, и он плюхнулся обратно.

— Я покинул клуб перед полуночью, — продолжил он делиться воспоминаниями. — Едва держась на ногах. На набережной Астон стал ловить такси. Через несколько минут поймал и...

— И?..

— Дальше не помню, — со стоном признался он. — Назвал адрес своего отеля и повалился на сиденье.

— Что дальше?

— Говорю вам, ничего!

Алиса опустила пистолет и несколько минут переваривала невеселые известия. Было понятно,

что этот субъект не поможет ей прояснить ситуацию. Скорее, наоборот.

— Вы отдаете себе отчет, что ваша болтовня — сплошная брехня?

— С какой стати?

— С такой, что мы, видите ли, во Франции!

Гэбриэл обвел взглядом окружавший их лес: дикая растительность, густой кустарник, поросшие плющом камни, золотистый купол осенней листвы над головой. Скользнув глазами вверх по голому стволу огромного вяза, он заметил двух белок, устроивших отчаянную погоню по ветвям за наглым каменным дроздом.

— Бьюсь об заклад, что никакая это не Франция, — пробормотал он, скребя в затылке.

— Есть всего один способ в этом убедиться, — сказала Алиса, спрятала пистолет и заставила Гэбриэла встать.

Они покинули поляну и углубились в густую чащу. Прикованные друг к другу, они проковыляли по бугристой тропинке и стали спускаться в овраг, балансируя на выступающих из откоса камнях. Целых десять минут они выбирались из лесистого лабиринта, прыгая через ручейки и блуждая по извилистым тропкам. Наконец они вышли на узкую асфальтированную аллею, засаженную деревьями, ветви которых образовывали у них над головами плотный полог. С каждой минутой шум цивилизации становился все отчетливей. Знакомый рокот, нарастающее дыхание большого города.

Охваченная странным предчувствием, Алиса потащила Гэбриэла к подсвеченной солнцем прогалине среди листвы. Манящее солнце побуждало их

раздвигать ветки, пока они не оказались на травянистом берегу. Дальше простиралась вода.

В следующую секунду оба замерли как вкопанные.

Через сужение пруда был переброшен изящный чугунный мостик.

Это было прихотливое сооружение, выкрашенное в светло-кремовый цвет, все в завитушках, утыканное вазонами с яркими цветами.

Эта длинная пешеходная дорожка над водой была знакома любому по сотне фильмов.

Мост «Боу-Бридж».

Никакой это был не Париж. Никакой не Дублин.

Они находились в Нью-Йорке.

В Центральном парке.

СЕНТРАЛ-ПАРК-УЭСТ

Мы жаждем истины, но в себе
находим лишь неуверенность.

*Блез Паскаль
«Мысли», XXI*

— Боже правый! — просипел Гэбриэл. Лицо Алисы выражало потрясение.

Как ни трудно было принять реальность, последние сомнения исчезли. Место, где они пришли в себя, «Рэмбл»¹, считалось самым диким уголком всего Центрального парка. Это был настоящий лес площадью полтора десятка гектаров к северу от озера.

У обоих сердца колотились так, что грозили выскочить из грудной клетки. Подойдя к берегу, Алиса и Гэбриэл оказались на людной аллее; столпотворение здесь было типичным для раннего утра. Приверженцы бега трусцой гармонично соседствовали с велосипедистами, адепты гимнастики тай-чи с собачниками, выгуливающими своих питомцев. Слух выбравшейся из зарослей помятой пары до отказа наполнила характерная городская какофония: рокот уличного движения, гудки, завывания пожарных и полицейских сирен.

¹Ramble — блуждание (англ.).

— С ума сойти... — пролепетала Алиса.

Чтобы остаться в своем уме, она попыталась мыслить рационально. Лучше всего было бы, если они с Гэбриэлом и вправду знатно злоупотребили накануне вечером спиртным и провели ночь в отключке, а тем временем кто-то против их воли... Что? Загрузил их в самолет? Исключено. Она часто проводила отпуск в Нью-Йорке с Сеймуром, своим коллегой и лучшим другом. Ей ли не знать, что перелет из Парижа в Нью-Йорк длится восемь с лишним часов, но, учитывая разницу во времени, сокращается всего до двух. Чаще всего Сеймур брал билеты на рейс из аэропорта Шарль де Голль в 8:30 утра, приземлявшийся в Нью-Йорке в 10:30. Память подсказала и время последнего вечернего вылета — около 8 вечера. Вся штука в том, что накануне как раз в это время она находилась в Париже! А вот если бы ее отправили ночным рейсом, вылетевшим, скажем, в 2 часа ночи, то она приземлилась бы в Нью-Йорке в 4 утра по местному времени — в самый раз, чтобы продрать глаза в Центральном парке в 8 часов... Теоретически такая вероятность сохранялась, но в действительности... Даже прилетающие в США частным бортом проходят длительную и обременительную бюрократическую процедуру. Нет, тут явно что-то не вяжется.

— Упс! Сорри!

В них едва не врезался парень на роликовых коньках. Но его смущение быстро сменилось недоумением: засмотревшись на наручники, он чуть не сбил с ног кого-то еще.

В голове у Алисы завертелась тревожная «мигалка».

Сентрал-парк

— Нечего торчать на виду у зевак! — прорычала она. — Минуты не пройдет, как сюда нагрянут копы.

— Что вы предлагаете?

— Возьмите меня за руку, живо!

— Не понял...

— Притворимся влюбленной парой! Идем на мост! — поторопила она его.

Парочка ступила на мост «Боу-Бридж». Воздух был прохладным и сухим, за парком четко вырисовывались на фоне безоблачного неба величественные здания, высящиеся к западу от Центрального парка: башни-близнецы «Сан-Ремо», легендарная «Дакота», прославленный «Маджестик» в стиле ар-деко.

— Нам так или иначе придется сдаться властям, — нудил на ходу Гэбриэл.

— Не терпится сунуть голову в волчью пасть?

— Лучше внять голосу разума, деточка...

— Еще раз так меня назовете, и я задушу вас наручниками! Шею сверну, удавлю — так и знайте! Вот увидите, мертвецы не несут чушь.

Он пропустил угрозу мимо ушей.

— Раз вы французенка, обратитесь за помощью в ваше посольство.

— Сначала надо понять, что произошло этой ночью.

— Но только на меня не рассчитывайте, я не намерен играть в прятки. Как только мы выйдем из парка, я брошусь в первый же полицейский участок и расскажу все как на духу.

— Вы совсем безмозглый или притворяетесь? Объяснение для ненаблюдательных: мы скованы

одной цепью. Мы с вами неразлучны, неразделимы, связаны неодолимой силой! И пока мы не нашли способ разбить наши кандалы, вы будете делать то же самое, что я.

«Боу-Бридж» служил прелестной связкой между бурной хаотичной растительностью «Рэмбл» и аккуратным садом на южной стороне озера. Пройдя по мосту, они вышли на дорожку, ведущую вдоль озера к гранитному куполу фонтана «Черри Хилл».

— Почему вы отказываетесь отвести меня в полицию? — гнул свое Гэбриэл.

— Потому что, представьте, я знаю, что такое полиция.

— По какому праву вы затаскиваете меня в свою галеру? — возмутился джазист.

— С каких пор это «моя» галера? Я, допустим, вляпалась в дерьмо, но вам никуда не деться, вы тоже в нем по шею.

— Я ни при чем, мне не в чем себя упрекнуть!

— Неужели? Откуда такая уверенность? Я думала, прошлая ночь полностью выпала из вашей памяти...

Ее ответ привел Гэбриэла в замешательство.

— Вы что, не верите мне?

— Ни капельки. То, что вы плетете про какой-то бар в Дублине, — просто болтовня, Кейн.

— Не больше, чем ваши рассказы про гулянку на Елисейских Полях! Между прочим, это вы вся в крови, а не я. Это у вас в кармане ствол, это вы...

— Тут вы правы, — перебила она его. — У меня ствол, так что вам лучше проглотить язык и делать так, как я велю, о'кей?

Он пожал плечами и негодуя засопел.

Алиса сглотнула и ощутила жжение за грудиной: в пищевод забросило желчь. Это все стресс. И усталость. И страх.

Как выпутаться из этакой передраги?

Она силилась собраться с мыслями. Во Франции день был в самом разгаре. Ребята из следственного отдела, не найдя ее утром на рабочем месте, наверняка встревожились. Сеймур и подавно замучился названивать ей на сотовый. Вот с кем ей следует первым делом связаться, вот кто должен попробовать выяснить, что стряслось! В голове у нее уже начал выстраиваться порядок действий. 1) Затребовать записи камер наблюдения из паркинга под авеню Франклина Рузвельта, 2) составить список частных самолетов, улетевших после полуночи из Парижа в Нью-Йорк, 3) найти ее «Ауди», 4) проверить, правда ли все то, что несет этот Гэбриэл Кейн...

Благодаря четкой следственной перспективе ее мысли распределились по полочкам. Адреналин, который регулярно вырабатывался благодаря ее ремеслу, давно служил для Алисы главным топливом. В свое время этот наркотик портил ей жизнь, но с некоторых пор он был единственной достойной причиной, чтобы вставать по утрам.

Алиса уже вдыхала свежий воздух Центрального парка полной грудью.

Приободренная тем, что сыщик в ней одержал верх, она стала продумывать тактику расследования: Сеймур, следуя ее советам, будет вести поиски во Франции, а она — здесь.

Крепко держась за руки, Алиса и Гэбриэл заторопились в сторону треугольного сада «Строубери

Филдс», чтобы через него выскочить из парка с западной стороны. На ходу сыщица украдкой поглядывала на музыканта. Необходимо было разобраться, что он за человек. Сама ли она надела на него наручники? И если да, то за что?

Он тоже на нее покосился, только не испытующе, а с вызовом.

— Ну какие будут предложения?

— У вас есть знакомые в этом городе? — ответила она вопросом на вопрос.

— В Нью-Йорке живет мой хороший друг, саксофонист Кенни Форрест, но вот беда, сейчас он улетел выступать в Токио.

Она переформулировала вопрос:

— Значит, вы не знаете, где раздобыть инструменты, чтобы избавиться от наручников, где переодеться, принять душ?

— Не знаю, — признался он. — А вы?

— Я живу в Париже, вы забыли?

— «Я живу в Париже, вы забыли?» — передразнил он ее. — В общем, я не вижу другого выхода, кроме как обратиться в полицию: мы без гроша, переодеться нам не во что, даже удостоверений личности нет...

— Прекратите стенать! Наша первая задача — раздобыть мобильный телефон, вы согласны?

— Кто из нас забывчивый? Повторяю: у нас ни цента! Откуда взяться телефону?

— Очень просто: надо его украсть.

В НАРУЧНИКАХ

В сердце каждой трудности кроется возможность.

Альберт Эйнштейн

Покинув парк, Алиса и Гэбриэл зашагали вдоль ограды по авеню Сентрал-парк-Уэст. С первых же шагов их засосал городской водоворот, уши сразу заложило от гудков желтых такси, мчавшихся в направлении Мидтауна, призывов продавцов хот-догов, стука отбойных молотков дорожников, добиравшихся до канализационных труб.

Не терять ни минуты!

Алиса прищурилась, изучая окрестности. На другой стороне улицы высилась песочная «Дакота». Здание, перед которым 33 года назад застрелили Джона Леннона, всеми башенками, звездочками, окошками и балкончиками вопившее о своей готической неуместности в манхэттенском пейзаже.

Средневековье в разгар XXI века.

Торговец, разложивший товар на свой страх и риск прямо на тротуаре, соблазнял туристов футболками и афишами с символикой «Битлз».

Наметанный глаз сыщицы высмотрел стайку юнцов, шумных испанцев, фотографировавшихся на фоне исторического здания. Минуло тридцать

с лишним лет, а миф продолжал исправно работать...

Понаблюдав за молодежью несколько секунд, Алиса наметила жертву и мгновенно спланировала нападение. Указав Гэбриэлу подбородком на туристов, она спросила:

— Видите, паренек разговаривает по телефону?

Он почесал в затылке.

— Который из них? Половина из них прилипла к телефонам.

— Очкастый толстячок, стрижка под горшок, на майке эмблема «Барселоны».

— Куда это годится — нападать на ребенка?!

— Похоже, вы не понимаете, в какое дерьмо мы вляпались, Кейн! — взорвалась Алиса. — Ему, кстати, не меньше шестнадцати лет. И потом, ни о каком нападении речи не идет, простое заимствование.

— Что-то я проголодался, — пожаловался он. — Может, лучше стащить хот-дог?

Она бросила на него испепеляющий взгляд.

— Не выпендривайтесь, слушайте внимательно. Мы подходим к парню, вы толкаете меня на него, я выхватываю у него телефон, и мы делаем ноги.

Гэбриэл облегченно закивал.

— Это я запросто!

— Запросто? Сейчас вы увидите, каково это — бегать в наручниках.

Дальше все случилось четко по плану: воспользовавшись неожиданностью момента, она вырвала из рук паренька телефон.

— Бежим! — Она дернула Гэбриэла за цепь.

Очень кстати загорелся зеленый сигнал на пешеходном переходе. Они перебежали через улицу

и на первом перекрестке шмыгнули направо. Алиса не ошиблась: бежать вдвоем в наручниках оказалось даже неудобнее, чем она предостерегала. Главная трудность состояла в том, чтобы подстроиться к длине шага партнера, а тут еще разница в росте и острая боль от железного браслета, врезавшегося в кожу при каждом рывке...

— За нами гонятся! — крикнул Гэбриэл, оглянувшись.

Алиса тоже оглянулась и убедилась, что их преследует группа испанской молодежи.

Не повезло...

По ее сигналу они ускорили бег. 71-я стрит была типичной для Верхнего Вест-сайда спокойной улицей, застроенной элегантными жилыми домами из бурого песчаника. Туристы сюда не забредали, широкие тротуары были в полном распоряжении беглецов, которые быстро преодолели квартал до следующего перекрестка. Но их уже настигали, преследователи криками призывали в свидетели и в сторонники редких прохожих.

Пересечение 71-й стрит с Колумбус-авеню, снова смена декораций: роскошные витрины бутиков, быстро заполняющиеся кафе, студенты, высыпавшие из соседней станции подземки.

— Налево! — крикнул Гэбриэл, бросаясь в сторону.

Смена направления застала Алису врасплох. Она чуть не потеряла равновесие, железный браслет разрезал ей кожу на запястье, и она не удержалась от крика.

Они метнулись по авеню на юг, расталкивая прохожих, опрокидывая рекламные стойки, чуть

не раздавив крохотного йоркшира на длинном поводке.

Какая толчея!

Чувство головокружения, потери ориентировки, угодивший под дых чужой локоть. Чтобы не увязнуть в толпе, беглецы выскочили на проезжую часть.

Неудачный маневр...

Их тут же едва не переехало такси. Водитель ударил по тормозам, надсадно загудел, обложил их площадной бранью. Алиса, желая запрыгнуть обратно на тротуар, зацепилась за край бордюра, браслет от рывка еще глубже впился ей в руку, и она упала, увлекая за собой Гэбриэла и роняя злосчастный мобильник, принесший пока одни неприятности.

Проклятье!

Гэбриэл успел поймать телефон на лету.

Встаем!

Они дружно вскочили, дружно оглянулись на преследователей. От прежней кучи подростков осталось только двое самых упорных, устроивших погоню через Манхэттен в надежде одержать победу и вернуться триумфаторами к отставшим подружкам.

— Они бегают быстрее нас! — предупредил Гэбриэл. — Я не в том возрасте, чтобы с ними тягаться.

Каждый новый рывок был для обоих пыткой, но других вариантов не оставалось. Рука в руке, они преодолели еще десять метров, еще полсотни и еще сотню. Они бежали мимо окутанных паром канализационных люков, мимо чугунных

лестниц, карабкающихся вверх по фасадам, мимо длинных школьных автобусов с прилипшими к стеклам любопытными детскими мордашками. Снова Бродвей, пересекающий Коламбус-авеню. Здесь, в месте смыкания трех четырехполосных городских артерий, раскинулся неохватный перекресток. Беглецы переглянулись и поняли друг друга без слов.

— Вперед!

Рискуя жизнью, они побежали через перекресток по диагонали, жмурясь на бегу от визга шин и от гудков, в которых слышались страшные проклятия.

Всю западную сторону Бродвея между 65-й и 62-й стрит занимал культурный комплекс Линкольн-центра, выросший вокруг здания «Метрополитен-опера». Алиса задрала голову, чтобы лучше сориентироваться. Над серединой авеню навис своим заостренным носом многоэтажный лайнер из стекла и стальной арматуры.

Она узнала зал консерватории «Джулиард Скул», мимо которого проходила в свое время в обществе Сеймура. За прозрачной стеной разучивали пируэты балерины, беззвучно репетировали пианисты и скрипачи.

— Подземный паркинг оперы! — крикнула она, указывая на уходящий вниз бетонированный проезд.

Гэбриэл кивнул на бегу, и они нырнули в асфальтовые внутренности комплекса, шарахаясь от едущих вверх машин. На первом подземном уровне, уже совсем выбиваясь из сил, они пробежали через всю парковку, кинулись вверх по лестнице и высоко

чили наружу в трех кварталах дальше, в скверике Дэмрош-Парк.

Там, пьяные от свежего воздуха, они с облегчением убедились, что погони больше нет.

* * *

Привалившись к невысокой стенке над лестницей, Алиса и Гэбриэл пытались восстановить дыхание. Оба взмокли, у обоих отваливались ноги и ломило в спине.

— Дайте телефон... — прохрипела она.

— Вот растяпа! Где-то выронил... — пролепетал он, шаря себя по карманам.

— Да как вы могли?..

— Шучу! — Он с победным видом протянул ей смартфон.

Алиса пронзила его взглядом убийцы и уже открыла рот, чтобы высказать все, что о нем думает, но во рту вдруг появился металлический привкус, голова пошла кругом, к горлу подступила тошнота, и она перевесилась через ограждение. Из рта потекла струйка желчи.

— Вам бы водички.

— Мне бы что-нибудь съесть...

— Я предлагал стащить хот-дог!

Испуганно оглядываясь, они подкрались к питьевому фонтанчику и утолили жажду. Сквер между Нью-Йоркским городским балетом и стеклянными арками колоссальной «Метрополитен-опера» был достаточно людным. Неподалеку копошились рабочие, устанавливавшие киоски и трибуны: ожидался митинг.

Нахлебавшись воды, Алиса схватила телефон, с облегчением убедилась, что он не защищен кодом, и набрала сотовый номер Сеймура.

Пока устанавливалась связь, она, прижав сотовый подбородком к плечу, растирала себе затылок. Сердце так колотилось, что впору было оглохнуть.

Ответь, Сеймур...

Сеймур Ломбар был заместителем Алисы Шефер, возглавлявшей группу из пятерых сыщиков, которая трудилась в четырех кабинетах на третьем этаже знаменитого дома номер 36 на набережной Орфевр.

Алиса посмотрела на часы. В Париже было уже 14:20.

Полицейский ответил после трех гудков, но рядом с ним так громко разговаривали, что понять друг друга было нелегко. То ли он уже был на задании, то ли еще обедал.

— Сеймур?

— Алиса! Ты куда запропастилась, черт возьми?

Я замаялся слать тебе сообщения.

— Я на Манхэттене.

— Издеваешься?

— Мне нужна твоя помощь, Сеймур.

— Очень плохо слышно...

Ей было слышно не лучше, связь была ни к черту. До нее долетали только обрывки слов, голос Сеймура был искажен почти до неузнаваемости и дребезжал, как ржавое ведро.

— Ты где, Сеймур?

— В «Каво-дю-Палэ» на площади Дофина. Давай-ка я вернусь в здание и перезвоню тебе через пять минут, идет?